



## *Четыре хроники честной биографии*

«Когда я сажусь писать книгу, — признался как-то Джордж Оруэлл, — я не говорю себе: “Хочу создать произведение искусства”. Я пишу ее — потому, что есть какая-то ложь, которую я должен разоблачить, какой-то факт, к которому надо привлечь внимание...»

А как кредо свое и как завет нам — сказал фразу, которая могла бы стать девизом всех честных людей: «Если ты в меньшинстве — и даже в единственном числе, — это не значит, что ты безумен. Есть правда и есть неправда, и если ты держишься правды, пусть наперекор всему свету, ты не безумен...»

«Правда» и «неправда» — простые вроде бы слова, но разве не об этом вся великая литература? Да не на этих ли словах держится пока и мир? «Правду говорить легко и приятно», — написал Михаил Булгаков, вложив эти слова в уста Бога. Но: «Быть честным и остаться в живых, — возразил бы ему Джордж Оруэлл, — это почти невозможно...»

...Один из его начальников на радио, за семь лет до смерти Оруэлла, написал: «Он кристально честен, он не способен на лицемерие, поэтому в прежние времена его либо причислили бы к лику святых, либо сожгли бы на костре».

А ведь он не был «вооружен» для жизни ни знатным происхождением, ни наследным богатством, ни внешней привлекательностью, ни физической силой, ни даже маломальской известностью при жизни, — ничем, кроме старенькой пишущей машинки и нечеловеческого упорства.

Зато теперь на него, как на «своего союзника», претендуют все, даже враждебные друг другу партии и кланы: либералы и консерваторы, демократы и тоталитаристы, анархисты и традиционалисты, демо-социалисты и персоналисты, даже католики, даже коммунисты. Все кричат: он — наш, он — про нас и за нас!

Может, потому и привлекают, что он искал, находил и распространял ту самую правду, которая всегда была — поперек времени: против общих мнений и господствующих идей, против идеологических течений и всевозможных «измов», против групп, организаций, авторитетов, против врагов и даже друзей. Он вообще был воплощенным «анти»: первый роман его стал антиколониальным, первая книга о войне — антимилитаристской, первая сказка — антикоммунистической.

Один многолетний друг Оруэлла очень точно назвал его «беглецом из лагеря победителей». Мыслите? «Беглец» — во времена конформизма, приспособленчества, интеллектуального лакейства, когда к «победителям», к силе, власти, да просто к коллективу, как раз льнули и притирались, пытаясь сообща схватить Бога за бороду. А Оруэлл не только открыто переходил в «лагерь побежденных», но и не стеснялся покидать и его, когда «побежденные» вдруг становились «победителями», усваивая отвратительные черты свергнутых. Справедливость, по его мнению, плохо уживалась с самодовольством любых «победителей», и он не только предпочитал «бегство» к одураченным, осужденным и загнанным, но, в отличие от сотен и сотен романистов, делал это не фигурально, не умозрительно, а открыто, вживе.

Хотите пример? Тогда ответьте: ночевали ли вы на улице? В коробке картонной, в канаве, да просто под забором? Ночевали ли, добровольно отбросив обычную, благополучную и относительно сытую жизнь? А Оруэлл — ночевал. И не день или два, «для эксперимента», а почти три года (!), сознательно став бомжом, бродягой и нищим, тем, кого на всех языках мира зовут «человеческими отбросами». Он специально шел на Трафальгарскую площадь в Лондоне, чтобы встретить утро, продремав под ворохом газет, и продуманно, втайне от родных, переодевался у друзей в рваньё, чтобы хоть раз, но попасть в тюрьму, и узнать, как там относятся к тем, кого и за людей не считают. Считал это долгом писателя.

Это был бунт, и не «бунт на коленях», как съязвил однажды Маркс, а бунт во весь его двухметровый рост.

Настоящее имя его — Эрик Артур Блэр.

Выпускник аристократического Итона, полицейский в Бирме, судомой в парижском отеле, учитель в частной школе, солдат в сражающейся с фашистами Испании, наконец, сержант отряда местной само-

обороны Лондона во время Второй мировой — вот ипостаси «святого Джорджа».

Я не знаю, что было первичным в его жизни: сначала драка, а потом книги о ней, или — наоборот? То есть он — писатель-боец, или все-таки боец-писатель? И если Пастернак сказал когда-то, что «книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести», то самым частым словом в творчестве Оруэлла, как подсчитали недавно специалисты, оказалось слово «descentu» — «порядочность, благородство» (синоним нашего понятия совести, ибо слово «совесть» в английском языке просто отсутствует).

Он написал всего шесть художественных книг, в том числе две закатные, последние и самые известные ныне: «Скотный двор» и роман «1984». Остальные четыре романа — «Дни в Бирме» (1934), «Дочь священника» (1935), «Да здравствует фикус!» (1935) и «Глотнуть воздуха» (1939) — пришли к русскому читателю лишь в 2000-х годах.

Но знаете ли вы, что все шесть книг его художественной прозы занимают лишь 8 томов из 20-томного собрания его сочинений, выпущенного на родине? Что же в остальных? — спросите. В них собрана вся его правда «по жизни» — его страстная, неподкупная, разящая и поныне публицистика: статьи, репортажи, эссе, заметки, колонки в газетах и размышления. Даже по заголовкам его громких статей вы поймете, о чем они: «Границы искусства и пропаганды» (1941), «Литература и тоталитаризм» (1941), «Подавление литературы» (1945), «Политика против литературы» (1946), «Заметки о национализме» (1946), «Политика и английский язык» (1946), «Писатели и Левиафан» (1948), «Размышления о Ганди» (1949). По сути, это неизвестный и не прочитанный нами до конца, я бы сказал — непонятый доселе Оруэлл, заглянувший слишком далеко вперед, в будущее.

Именно так — «Неизвестный Оруэлл» — еще в 1992 году я озаглавил свою беседу в журнале «Иностранная литература» с одной из лучших исследовательницей его творчества, ныне, увы, покойной Викторией Чаликовой. И ее слова не только не устарели, но стали еще актуальнее в наше безумное время.

«Да, неизвестен, — сказала она. — Это кажется странным: писатель с мировым именем, о котором написана целая библиотека литературы... И вдруг — неизвестен... Сложность Оруэлла состояла в том, что у него была высокая чувствительность на любую несправедливость... Он открыл в современном человеке жажду власти, доказал, что власть

сама по себе доставляет наслаждение, независимо от возможностей, которые открывает человеку... XX век, по Оруэллу, отличен от предыдущих веков тем, что к власти приходит обязательно человек элиты, интеллектуальной элиты... и когда до власти дорвутся ученые и вообще интеллектуалы, то хуже деспотии не будет, потому что они-то знать будут действительно всё, действительно будут управлять тотально... Художественное открытие Оруэлла, — подчеркивала Чаликова, — состоит в том, что не надо давать власть одному, надо управлять коллективом. Одного надо сделать символом, чтобы он был всем известен как Большой Брат, а на самом деле — должен быть коллектив, мафия, банда, клика... И эти... поймут, что главное — управлять мышлением, памятью, речью, что надо отменить историю, запретить мечтать о будущем, отнять у них детей и отменить семью, ибо настоящая “мещанская семья” — это не только не опора тоталитаризма, это единственное, что может противостоять ему...»

(Еще в 1936-м он писал о «диктатуре интеллектуалов» и утверждал, что колъ дело дойдет до крайностей, «то интеллектуалы в подавляющем большинстве перейдут к фашизму», а «движение к диктатуре начнется в момент наивысшего материального прогресса, но не потому, что прогресс покажет свою изнанку, а из-за особенностей психической природы “лидеров прогресса”, абсолютного меньшинства людей, но особо сообразительных, умелых, практичных, властных и жестоких, для которых смысл жизни в том, чтобы утверждаться в своей власти над остальными, причиняя им боль и унижения».)

Всё это было сказано Чаликовой в начале 1990-х, когда наша страна азартно разворачивалась к капитализму, отрицая и вдохновенно топча весь наш прошлый «социализм». И в ответ на мой вопрос, когда же мы поймем (и поймем ли?) «глубинные, подспудные идеи» писателя, она огорошила меня странным, не в духе времени и нашей беседы, ответом: «В массовом порядке это может произойти только тогда, когда общество убедится: та альтернатива, какую сегодня предлагает идейный авангард этого общества, альтернатива прошлому тоталитаризму... она тоже не гуманна, не человечна, она не даст простому человеку того, что он хочет. Вот когда это будет не только осмысленно, но и *прожито*, — тогда, может быть, люди начнут искать у Оруэлла еще что-то...» И действительно — пока мы не прочли, а главное, не прожили всего того, что высказал в своей публицистике писатель, этого было не понять.

А суть сказанного Чаликовой в том, что Оруэлл был социалистичен по убеждениям. Да, в это трудно поверить и ныне. Он, несгибаемый и ядовитейший критик нашего социализма, «лакей буржуазии», «лазутчик реакции», «грязный клеветник», «литературный проходимец» и «враг человечества» (так называли его у нас вплоть до 1990-х годов), оказывается, всю жизнь был за «демократический социализм» (даже, вообразите, за революцию в Англии, за роспуск парламента и баррикады на улицах Лондона во время Второй мировой войны), но главное — за тех, кого мир называл «простыми людьми». Ненавидя «хозяев жизни» — лживых политиков, хитроумных интеллектуалов, писателей, знающих, «где деньги лежат», — он хотел быть «голосом бессловесных, покорных жертв: детей, китайских кули, бродяг, безработных шахтеров, индусов, идущих на виселицы, каталонских крестьян и любых осужденных любыми революционными трибуналами».

«Всё, что они хотят, — писал он про «простых людей» еще в 1938 году, в книге «Памяти Каталонии», — это тот минимум, без которого вообще жить нельзя: еда в достатке, свобода от страха за работу, уверенность, что твоих детей не обидят, ванна раз в день, чистое белье, кровля, которая не течет, и рабочий день, не высасывающий все силы».

А про будущее социализма, который он считал не экономической, а моральной проблемой, выразился еще в 1937-м, не без писательского изящества: «Чураться социализма из-за обилия толпящихся при нем тупиц и клоунов — столь же абсурдно, как отказаться ехать поездом, поскольку вам противно лицо вагонного кондуктора». Знали ли мы об этом, читая его великую сатиру на «сталинский социализм» в «Скотном дворе», или разоблачения будущего мира в романе «1984»?

Недаром за ним, как стало известно относительно недавно, еще с молодости сначала приглядывали, а затем и пристально следили спецслужбы Англии. Ведь это он сказал, что фашизм в будущем может принять любые формы: им может стать даже «стопроцентный американизм» или извращенный «английский либерализм». И он же написал: «Именно в тот момент, когда высокий уровень жизни должен был бы избавить правительства от страха перед серьезной оппозицией, политическая свобода объявлена невозможной и полмира управляется секретными полициями...» Ну, разве это не обобщенный портрет современного нам мира?

Люди, не дайте обмануть себя, призывал он, размышляя о современной ему демократии. Здесь его взгляд мало отличался от взгляда

мудрейшего Бернарда Шоу, который ехидно заметил как-то, что «демократия — это воздушный шарик, который висит у вас над головами и заставляет глазеть вверх, пока другие люди шарят у вас по карманам».

Ныне, хлебнув капитализма, или, как говорила когда-то Чаликова, *прожив* то, что должны были прожить, мы иначе вчитываемся в него. Да и на Западе его воспринимают уже иначе. Например, его «Скотный двор», великая «сказочка», долгое время включенная в школьные программы Англии и Америки, ныне из этих программ изымается: слишком похожа оказалась на то, что творится сейчас в «свободном мире», где некоторые животные оказались в конце концов «равнее других». А когда газета «Guardian» к очередному юбилею Оруэлла (2013) спросила своих читателей, на что похож мир романа «1984», то большинство, 89% англичан (!), неожиданно для газеты призналось: писатель изобразил... сегодняшний британский мир. Невероятно ведь!

Но в своих прогнозах Оруэлл пошел много дальше: он сумел нарисовать те «картинки будущего», которые мы сегодня только начинаем различать. Я, занимаясь писателем многие десятилетия, со времен своей диссертации об антиутопиях в 1985 году, вычленил в его творчестве по крайней мере 14 грозных предупреждений о будущем, тенденций, подмеченных им, которые ныне воплотились всюду почти буквально. Смотрите: свертывание и уничтожение демократии, тайные договоренности правительств и «внутренних партий», власть могущественных корпораций (олигархический коллективизм, сращивание капитала с властью), поиск и навязывание нациям внешних врагов, искажение реальности и замалчивание «простых истин», тотальный контроль над СМИ, переписывание истории, постоянная слежка за каждым, двоемыслие («двойные стандарты», столь знакомые нам ныне), уничтожение культуры, сужение образования, препарирование языка общения (новояз, когда сложное мышление деградирует до простого, простое — до лозунгов, а лозунги — до примитивного и агрессивного «ату его!»), наконец, сексуальная революция и генная инженерия. Помните, главный палач в романе «1984» говорит пытаемому: «Мы вырвем с корнем половой инстинкт, мы отменим оргазм, наши неврологи работают над этим»? Но больше всего я лично боюсь «электронного концлагеря», который исподволь готовят миру «хозяева жизни». Оруэлл не дожил до интернета, но «концлагерь» в виде трех супердержав на планете в романе изобразил. Боюсь, что к этому дело и идет, ведь миром давно правят транснациональные корпорации, не знающие ни правительств, ни

границ. Интернет, искусственный интеллект, чипирование людей, цифровые деньги и прочие современные «штучки», введенные под видом «вашего же блага», не только закабалят каждого, но превратят мир в реальную антиутопию, которая будет похлеще оруэлловской Океании.

Так что — здравствуйте, мистер Оруэлл! Приехали!..

Книга, которую вы держите в руках, издается в год 120-летия со дня рождения Оруэлла. В ней собраны четыре документальные повести писателя, четыре «хроники честной автобиографии». Так озаглавила их знаток его творчества и переводчица этих (и большинства его художественных произведений) Вера Домитеева. И это действительно и хроника жизни Оруэлла, и, одновременно, — честная оценка ее.

Открывает книгу повесть «Славно, славно мы резвились» («Such, Such were the Joys»), которая была написана в 1947-м, за три года до смерти писателя, а опубликована в Англии лишь через 20 лет — в 1968-м, когда скончались и автор, и многие из «героев» его произведения.

Он начал писать ее в 1939 году — и потому, что за год до этого книгу об их общей подготовительной школе Св. Киприана («Враги обещаний») написал один из его друзей. В ней соученик и многолетний друг Оруэлла утверждал: школа «давала неплохое образование». Это-то и возмутило Оруэлла. Какое образование, когда они учились «ради оценки», «для показухи», когда их обучали не столько знаниям, сколько «хитрым трюкам», которые должны были «впечатлеть экспертов»; ведь практически не было ни математики, ни географии, а «интерес к естественным наукам вообще презирался»?

Но, изложив свой взгляд на школу, Оруэлл отложил публикацию. Понял: получилось всё в «слишком страшном свете». В печать ее отдаст его вторая жена, Соня Браунелл, уже после смерти писателя, да и то — только в США и изменив название школы, место ее и имена действующих лиц.

Издательства, почти пытки в подготовительной школе Англии начала прошлого столетия, конечно, не могли понравиться британцам второй половины века. Бывшие соученики Оруэлла считали описанные им кошмары сильным преувеличением, но Оруэлл не только с детства гордился умением «смотреть в глаза неприятным фактам», но и признавался позже, что именно в этой школе, где он провел пять лет, начали копиться материалы для самой страшной книги его — романа «1984».

«Оруэлл говорил мне, — вспомнит один из друзей его, — что страдания бедного и неудачливого мальчика в приготовительной школе — может быть, единственная в Англии аналогия беспомощности человека перед тоталитарной властью, и что он перенес в фантастический “Лондон 1984” звуки, запахи и цвета своего школьного детства».

Ныне можно сказать шире: школа, внушившая ему «чувство неполноценности и страх нарушить таинственные жуткие законы» — возможно, главный исток всего последующего творчества, главной его темы.

С такими «законами» и «страхами» ему предстояло разбираться до конца жизни. И прежде всего — в тот странный и трудный период своей биографии, когда после возвращения из Бирмы он, сначала в силу обстоятельств (крайней бедности своей), а потом и ради «прямого исследования жизни изгоев общества» — нищих, бездомных, проституток и бандитов! — сознательно «опустился на дно жизни», пошел в ночлежки, «рабочие дома», даже, как помните, нарочно сел в тюрьму.

Этому периоду посвящена документальная повесть «Фунты лиха в Париже и Лондоне» («Down and Out in Paris and London»), опубликованная в 1933 году и ставшая хронологически первой книгой писателя, на которой впервые появилось его новое имя — Джордж Оруэлл.

Сначала тонкая рукопись называлась «Дневником посудомоечной машины», где рассказывалось о его «рабском труде» посудомоя в парижских ресторанах, потом — «Дневником поваренка». Текст этот все издатели бесцеремонно отклонили, но, по счастью, в одном из издательств ему предложили расширить этот рассказ.

И тогда он, по примеру давно прочитанной книги Дж. Лондона «Люди бездны», отправился почти на три года под мосты Лондона и в ночлежки для бездомных. В этом он видел как бы «искупление» за пятилетнюю службу в полиции Бирмы, где с болью и сочувствием наблюдал жизнь действительных рабов британских колонизаторов: их унижения, бесправие, подневольный труд, казни и расстрелы... Уже тогда он осознавал, что ненависть к угнетению захватила все его чувства и переживания. Переводчица Вера Домитеева в одном из предисловий отметила, что этим поступком он «осуществил исконный русский идеал “жить по совести”».

«Жизненная неудача, — напишет он позднее, — представлялась мне тогда единственной добродетелью. Малейший намек на погоню за успехом, даже за таким успехом в жизни, как годовой доход в несколь-

ко сот фунтов, казался мне морально отвратительным, чем-то вроде сутенерства...

Я много размышлял на эту тему, — признаётся он, — планировал, как всё продам, раздам, изменю имя — и начну новое существование совсем без денег, лишь с костюмом из обносков... И доля вины с меня — спадет...»

Его решение «уйти в низы» и описать жизнь нищих\* стало знаковым камертоном ко всему дальнейшему творчеству. Уже тогда, в первой же книге, он понял для себя: всё надо познать из первых рук, во всём — убедиться самому, всё лично попробовать на вкус, на цвет, на зуб, на смысл...

Но, кроме того, этим шагом он впервые заявил и о своих политических пристрастиях — о том, что при любом раскладе он будет на стороне «униженных и оскорбленных».

Но далеко не все готовы были встать — рядом с ним: описанную им «правду жизни» («я просто рассказал, что есть мир, он совсем рядом, и он ждет вас, если вы вдруг окажетесь без денег») никто не хотел печатать. Так, известный поэт и издатель Т.С.Элиот, прочитав рукопись, написал автору: «Мы нашли это очень интересным, но, к сожалению, едва ли возможным для публикации». И лишь Виктор Голланц, издатель откровенно левых взглядов, рискнул и выпустил книгу. Не сделай он этого — мы, возможно, так и не узнали бы писателя, который в будущем перевернет весь мир.

А что же псевдоним его? Считалось, что он взял его лишь для того, чтобы родители не узнали в «исследователе социального дна» своего «благовоспитанного сына». На деле же всё было, конечно, не совсем так. В семье если и не знали в подробностях про отдельные его «панельные подвиги», то о главном, несомненно, догадывались.

Нет, просто после многих переделок рукописи и отказов печатать ее Эрик Блэр очень сомневался в себе — и боялся, что писательский дебют его с треском провалится. Биограф Майкл Шелден отметит: он «не смог бы вынести своего имени на обложке, если бы книга не принесла успеха, он слишком привык считать себя неудачником. С помощью

---

\* В год 100-летия Оруэлла, в 2003-м, британская газета «Evening Standard» (которая в 1933-м, устами драматурга и романиста Д.Пристли, одной из первых восхитилась «Фунтами лиха») послала корреспондента под мосты и в притоны Лондона — по стопам юбиляра. Послала — и ахнула. Если в годы Оруэлла бездомных в столице Британии было чуть больше 2 тысяч, то в 2003 году их оказалось свыше 50 тысяч.

псевдонима он словно хотел избежать ответственности за дальнейшую судьбу книги». На помощь пришла его же «бездна»: ведь в ночлежках и рабочих домах он давно и привычно представлялся как некто Барток. «Но если вам не кажется, что это имя звучит, — писал он своему издателю, — то что Вы скажете о Кеннете Майлзе, Джордже Оруэлле, Х.Льюисе Олвейзе? Я предпочитаю, — написал, — скорее Джорджа Оруэлла».

Книга не только не провалилась, но стала бестселлером. «Джордж Оруэлл создал великолепную книгу и ценный социальный документ, — писал, вслед за Д.Пристли, солидный литератор К.Маккензи. — Это самая лучшая книга такого рода, которую я читал за последние годы». А в литературном приложении к газете «Times» автора сравнили ни много ни мало с его любимым Диккенсом.

Так родился писатель, и так появилось на свет знакомое всем имя — Джордж Оруэлл, где «Джордж» — это святой покровитель Англии, а «Оруэлл» — имя речушки его детства, где Эрик вырос и ловил когда-то рыбу.

Уже Оруэллом, а не Эриком Блэром, поехал он в командировку от Голланца и его знаменитого тогда «Клуба левой книги», собравшего в Англии более 50 тысяч приверженцев, на север Британии, в шахтерские городки и поселки. Поехал, чтобы рассказать о беспросветной, почти скотской жизни горняков. Так родилась его третья документальная книга — «Дорога на Уиган-Пирс» («The Road to Wigan Pier»).

За три месяца он объехал, точнее сказать обошел (делая по 10–15 миль в день), города Шеффилд, Ковентри, Ливерпуль, Манчестер, Лидс и Бирмингем — и везде видел лишь нищету и голод простых людей. Нищетой его было, впрочем, уже не удивить, а вот почти всеобщая безработица этих районов — ошарашила.

«В первых встречах с безработными меня просто сразило, — пишет он, — что они *стыдились* своих горестных обстоятельств... Помню собственное изумление, когда я обнаружил, что изрядная доля людей, которых меня приучили считать бандой циничных паразитов, состояла из вполне благонаправленных молодых шахтеров и ткачей, глядевших на свою судьбу... как звери, угодившие в капкан... Они ведь созданы трудиться, а нате-ка!..»

В этой повести впервые прозвучали две грозные ноты его будущих тревог: нарождающийся в мире фашизм и продажная сущность даже левых партий. В поездке он «лицом к лицу» встречался на митингах и собраниях и с «прожжёнными социалистами» (читай — «предателями»

тех взглядов, которых уже придерживался он), и с открытым террором нарождающегося в Англии фашизма (видел, как на встрече шахтеров с Освальдом Мосли, фюрером Британского союза фашистов, его молодчики затыкали рты и избивали несогласных с ними рабочих).

«Ситуация отчаянная, — напишет в книге. — Угроза фашизации Европы стремительно растет. И если не удастся очень быстро и широко распространить систему *живых, действенных* социалистических идей, нет никакой уверенности, что фашизм когда-нибудь будет низвергнут...» Вот только встреченные им «социалисты» его разочаровали... «Да голосует такой за коммунистов, — клеймил он якобы «новых людей», — но по-прежнему крепки его связи с людьми своего круга... Просто большинство благовоспитанных социалистов клещами цепляются за мельчайшие знаки социального престижа». «Правда состоит в том, что для многих людей, именующих себя социалистами, революция не означает движения масс... она означает комплект реформ, которые “мы”, умные, собираемся навязать “им”, существам низшего порядка».

Голланц, его издатель, ждал от командировки Оруэлла серии простеньких «социальных очерков», «быстрого расследования социальных условий жизни и экономической депрессии», — а получил в итоге революционную прокламацию в 150 страниц, которую хоть и напечатал, но с многочисленными оговорками в предисловии. Уж больно самостоятельным и упёртым оказался его подопечный...

Эту книгу можно было бы считать надеждой писателя на выход из всех тех тупиков, в которые вверг рабочих развитой капитализм. Но, увы, в ней он допустил досадную ошибку, о которой при жизни так и не узнаёт. Он связал свою надежду на возрождение региона со знаменитым в тех краях «морским пирсом Уиган». Тогда считалось, что этот заброшенный пирс (и исчезнувший канал к морю) был предназначен для угольных барж и станет оживленным центром торговли. Оруэлл, узнав об этом, не только дал книге звучный заголовок, но и «построил» на этом свои надежды на возрождение края. Жаль, история не подтвердила этого. Оказалось, что спасительного пирса этого не существовало никогда, это была всего лишь красивая легенда. А значит — и это новый, современный и устрашающий «поворот» книги! — последняя надежда Оруэлла на будущие лучшие времена оказалась лишь мистической мечтой. Сегодня на месте складов Уигана, которые Оруэлл принял когда-то за остатки верфей, возник Центр исторического наследия, который носит имя Оруэлла и в котором его книга об Уигане занимает одно из главных мест.

Ну и, наконец, последняя повесть «честной автобиографии» писателя — пожалуй, самая знаменитая публицистическая вещь его, — «Памяти Каталонии» («Homage to Catalonia»), появившаяся на свет в 1938 году. Эта книга — итог его участия в Гражданской войне в Испании, где он взял в руки винтовку, чтобы сражаться с фашизмом Франко. При жизни писателя ее даже не раскупили (было продано лишь 600 экземпляров из полуторатысячного тиража), зато ныне не только переиздают и переводят на десятки языков, но даже снимают по ней фильмы и ставят спектакли.

Гражданская война в Испании — битва ради «смысла жизни» и за «человеческое достоинство», «последняя война идеалистов», как звали ее, — свела в испанских окопах 40000 добровольцев из почти 60 стран: интеллектуалов, художников, философов, киношников... В траншеях под Уэской и Теруэлем сидели и ироничный плебей Хемингуэй, и чистюля-аристократ Экзюпери, и будущий маршал, министр обороны СССР Малиновский, и совсем уж «гражданский» Эренбург. Эренбург и скажет: «Если для моего поколения остался смысл в словах “человеческое достоинство”, то благодаря Испании». А Оруэлл — на вопрос, за что он дрался, — ответит: «За всеобщую порядочность...».

В Испании, куда он приехал в декабре 1936 года, он будет ранен в шею, и лишь по счастливой случайности останется жив. Но еще больше его ранит, уязвит то, что, помимо войны с фашистами, там, на его глазах, разразится другая, «тайная» война коммунистов с так называемой «пятой колонной» — с рабочими и крестьянами, которые восстали и против фашиствующих франкистов, и против буржуазного строя своей страны. Тысячи беззаветных защитников испанской революции, в том числе защитников-иностранцев, в одночасье были объявлены «троцкистами и предателями», брошены в тюрьмы и расстреляны... Чудом избежал этой участи и сам Оруэлл — которого, как стало известно много позже, тоже ждала камера нашего НКВД в Испании и неизбежный смертный приговор.

Ложь, ложь и ложь с обеих сторон — вот что поразило Оруэлла. Пожалуй, именно это и стало главным поводом для создания предельно честной книги о Гражданской войне: написать о той правде, которую в Европе замалчивали и «правые», и «левые».

«[Я начал вдруг читать в газетах] о великих баталиях в сообщениях из тех мест, где вообще не было сражения, и полное молчание хранилось о тех, где были убиты сотни людей. Я читал о храбро сражавших-

ся войсках, которые описывались как трусы и предатели, и о других, не слышавших выстрела, но которыми восторгались как героями воображаемых побед».

Вот тогда он понял: родилось и окрепло новое «господствующее течение» — политиканствующие социалисты. И он (как и всегда) выступил против этого нового течения: просто потому, что «всякий писатель, который становится под партийные знамёна, рано или поздно оказывается перед выбором: либо подчиниться, либо заткнуться».

«Испанская война и другие события 1936-1937 годов, — подведет он позже итог своей личной войны с несправедливостью, — нарушили во мне равновесие; с тех пор я уже знал, где мое место. Каждая всерьез написанная мною с 1936 года строка прямо или косвенно была против тоталитаризма и за демократический социализм, как я его понимал».

Такой, «новый Оруэлл» был не нужен уже никому; он, как и тысячи рабочих-единомышленников его, стал фактическим врагом и некоторых «братьев по оружию» в Испании, и «лощенных умников», сидевших в безопасной Англии, и Троцкого в изгнании, и Сталина в СССР, и, разумеется, Франко в Мадриде и Гитлера в Берлине.

«Памяти Каталонии» называют сегодня «вторым рождением писателя», ибо она стала прологом, грозным аккордом к его финальным шедеврам — «Скотному двору» и роману «1984», а ее автора тогда же называли «Дон Кихотом XX века» — за смелость встать во весь рост против любой несправедливости, за выбранную позицию и за «простую порядочность», которую он считал главным «масштабом цивилизации».

И нашей — сегодняшней — цивилизации.

Правда и неправда... Простые слова.

Такие же, как любовь и ненависть. Но может ли химически чистая ненависть «водить» пером писателя? И не стоит ли за громкими обличениями, дымящейся полемикой прозы, за словами, «облитыми горечью и злостью», — как раз любовь, любовь к правде и справедливости, и, главное, к тем людям, к простому человеку, из-за кого и «ломают копыя» дон кихоты?

Трудные парадоксы для любого критика или литературоведа. Но вот мнение французского классика Анатоля Франса. Однажды к нему пожаловал британский литературовед и спросил: есть ли точные признаки, по которым мы можем определить «великую книгу»?